

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2026.77.11> EDN: ZEUNCE**GERMAN ANGST КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ**

Научная статья

Рябикова О.Г.^{1,*}, Анищенко А.В.²²ORCID : 0000-0002-3214-8304;^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lyolik_uk[at]mail.ru)

Предложена: 24.03.2026; Принята: 30.04.2026; Опубликовано: 08.05.2026

Аннотация

В настоящей статье приводятся результаты исследования концепта GERMAN ANGST в немецкоязычном медийном дискурсе XX–XXI вв. На материале корпуса электронного словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) прослеживается динамика концепта. Путем анализа репрезентаций концепта в средствах массовой информации трех временных периодов (1950–1960 гг., 1985–2000 гг. и 2020–2025 гг.) уточняется соотношение эмоционального концепта ANGST и лингвокультурного концепта GERMAN ANGST как исторически изменчивого и социокультурно обусловленного феномена. Демонстрируется, что динамика концепта GERMAN ANGST находит отражение в смене моделей интерпретации эмоции в результате перехода от послевоенной травмы населения Германии к спектру конкретных ситуативно обусловленных страхов современности.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, динамика концепта, вербализация, лексико-семантическое поле, медиа-дискурс.

GERMAN ANGST AS A LINGUOCULTURAL CONCEPT

Research article

Ryabikova O.G.^{1,*}, Anishchenko A.V.²²ORCID : 0000-0002-3214-8304;^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (lyolik_uk[at]mail.ru)

Suggested: 24.03.2026; Accepted: 30.04.2026; Published: 08.05.2026

Abstract

This article presents the research results on the concept of GERMAN ANGST in German-language media discourse of the XX–XXI centuries. The evolution of the concept is traced using data from the Digital Dictionary of the German Language (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). By analysing representations of the concept in the media across three time periods (1950–1960, 1985–2000 and 2020–2025), the relationship between the emotional concept of ANGST and the sociocultural concept of GERMAN ANGST is clarified as a historically variable and socioculturally conditioned phenomenon. It is demonstrated that the dynamics of the GERMAN ANGST concept are reflected in the shift in models of emotional interpretation resulting from the transition from the post-war trauma of the German population to a spectrum of specific, situation-dependent fears of the modern era.

Keywords: linguocultural concept, concept dynamics, verbalisation, lexical-semantic field, media discourse.

Введение

Ключевым понятием настоящего исследования является концепт как «ментальное образование, представляющее собой значимые типизированные фрагменты опыта, хранящиеся в памяти человека» [4, С. 59]. Среди подходов к изучению концептов мы обращаемся к классификации С.Г. Воркачева, который предложил дифференцировать концепты по объекту, абстрактности содержания и степени значимости в определенной культуре и выделил эмоциональные концепты в особую категорию концептов, относящихся к сфере человеческих переживаний [3].

Эмоции играют важную роль в формировании языковой картины мира. Язык сопровождает человека и используется им не только для вербального общения, но и для выражения эмоционального отношения к миру [8]. Под термином *эмоциональный концепт* Н.А. Красавский понимает «этнически, культурно обусловленную, сложную структурно-смысловую, лексически и / или фразеологически вербализованную единицу, включающую понятие, образ и оценку и замещающую человеку в процессе коммуникации множество однопорядковых предметов, вызывающих пристрастное отношение к ним человека» [5, С. 42].

В немецкой лингвокультуре *страх* (Angst) является базовой деструктивной эмоцией, детерминированной переживаниями в связи с реальными или антиципируемыми событиями, при этом подчеркивается абстрактная природа переживания. В рамках немецкоязычного медийного дискурса наблюдается высокая степень вербализации эмоции страха, что находит отражение в широком разнообразии лексических средств, дифференцирующихся по комплексу параметров: субъект и объект эмоции, ее триггер, механизмы протекания, уровень интенсивности,

симптомы проявления, оценки и ассоциации, связанные с данной эмоцией [1, С. 24]. Структуру лексико-семантического поля концепта формирует ряд номинантов, образующих синонимический ряд с варьирующимися семантическими признаками: *Angst* ‘страх’; *Scheu* ‘боязнь’; *Beklemmung* ‘стеснение’; *Furcht* ‘страх, боязнь’; *Schrecken* ‘ужас’; *Schreck* ‘уцнуг, ужас’; *Schauer* ‘ужас’; *Grauen* ‘ужас’; *Grausen* ‘ужас, страх’; *Entsetzen* ‘ужас’; *Panik* ‘паника’ [6]. Доминантой ряда и ядром поля выступает лексема *Angst*, дефинируемая как состояние, сопровождающееся чувством стеснения, подавленности, волнения, смутное ощущение угрозы (mit *Beklemmung*, *Bedrückung*, *Erregung* *einhergehender Gefühlszustand*; *undeutliches Gefühl des Bedrohtseins* [10]).

Таким образом, лексико-семантическое поле *Angst* предоставляет базовый инструментарий для вербализации одноименного эмоционального концепта, фиксирующего универсальное переживание страха в немецкой языковой картине мира. Однако в рамках настоящего исследования нас интересует не столько универсальная эмоция, сколько способы ее культурного осмысления и дискурсивного оформления. Универсальный эмоциональный концепт *ANGST* выступает в данном случае в качестве семантического фундамента, тогда как предметом анализа является его исторически и культурно обусловленная модификация — лингвокультурный концепт *GERMAN ANGST*. Если первый представляет собой когнитивную структуру, закрепляющую опыт переживания страха как такового, то второй представляет собой культурный сценарий — устойчивую модель интерпретации коллективных страхов, которая формируется в определенный исторический период, вербализуется с помощью средств лексико-семантического поля *ANGST* и подвергается динамике в зависимости от социально-политического контекста.

Методы и принципы исследования

«*GERMAN ANGST*» как исторически обусловленный феномен представляет особый научный интерес в условиях современных глобальных вызовов. Его анализ позволяет выявить основные механизмы концептуализации и категоризации эмоциональной сферы в немецкоязычном пространстве. Для достижения поставленной цели применяется комплексная методология, сочетающая семантический, концептуальный и лингвокультурный анализ. Семантический анализ используется для выявления лексических средств вербализации страха в медийных текстах; концептуальный анализ направлен на реконструкцию структуры изучаемого концепта; лингвокультурный анализ позволяет интерпретировать полученные данные в контексте исторической динамики и культурной специфики немецкого общества.

Эмпирической основой для исследования послужил корпус электронного словаря немецкого языка (DWDS), при помощи которого был отобран материал, опубликованный в 1950–1960 гг., 1985–2000 гг. и 2020–2025 гг. Поиск осуществлялся по лексемам-номинантам поля страха (*Angst*, *Furcht*, *Panik*, *Schrecken*) и по фразеологической единице *German Angst* в заголовках и полных текстах газет и журналов. Для каждого периода отбирались наиболее показательные контексты, отражающие ключевые темы эпохи. Такой подход позволил, с одной стороны, увидеть, как базовая универсальная эмоция вербализуется в немецком медиа-дискурсе, а с другой, вычленил, как на ее основе кристаллизуется и развивается исторически обусловленный культурный конструкт «*GERMAN ANGST*». Был сформирован и проанализирован массив, содержащий более 50 текстовых фрагментов, в том числе заголовки статей и цитаты. Выбранные для анализа хронологические периоды характеризуются чередой глобальных кризисов, что обуславливает актуализацию тематики страха в средствах массовой информации и частотность репрезентаций данного концепта.

Основные результаты

Польский лингвист А. Вежбицкая связывает феномен «*GERMAN ANGST*» с историческими событиями XVI–XIX вв. и распространением лютеранства, которое повлияло на концептуализацию страха в национальном сознании немцев. Она отмечает, что это течение преобладает в странах, в которых страх является одной из важнейших культурных категорий [2]. Осознание личной ответственности перед Богом и страх наказания (*Gottesfurcht*) способствовали укоренению страха в индивидуальном сознании человека, опасавшегося невозможности искупить собственные грехи. Данный религиозный страх был связан прежде всего с неопределенностью бытия и носил философский характер. Для немецкого общества уверенность в будущем и связанное с этим чувство защищенности являются наиболее значимыми культурными ценностями [7, С. 209].

В контексте настоящего исследования важно подчеркнуть, что указанная историческая традиция не рассматривается как прямая причина возникновения феномена *GERMAN ANGST* в его современном понимании, но формирует культурную предрасположенность к определенным моделям интерпретации страха — в частности, к его осмыслению как экзистенциального, трудно локализуемого переживания, требующего коллективного осмысления. Данная традиция находит отражение в корпусном материале, выбранном для анализа, и заслуживает отдельного рассмотрения в рамках каждого хронологического периода.

Фразеологизм *German Angst* был введен в широкий оборот лишь в конце XX в. Череда катастрофических событий, пережитых немцами и оставшихся отпечаток в их национальном сознании (мировые войны, гиперинфляция, переселение, возведение Берлинской стены) способствовала окончательному укоренению «*GERMAN ANGST*» как лингвокультурного эмоционального концепта. Масштабные бедствия стали причиной трансформации ситуативного в перманентный страх и неуверенность в будущем, приобретающую коллективный характер и ставшую неотъемлемым элементом национальной идентичности. С точки зрения динамической модели, предложенной в настоящем исследовании, именно в этот период происходит кристаллизация культурного сценария, который начинает использовать лексико-семантический потенциал поля *Angst* для оформления коллективных переживаний.

Анализ медийных репрезентаций в выделенных хронологических срезах позволяет проследить, как указанный культурный сценарий трансформируется в ответ на изменяющиеся социально-политические условия. При этом

динамика концепта проявляется не в изменении самой эмоции страха, а в смене доминирующих моделей ее интерпретации и дискурсивного оформления.

В медийном дискурсе послевоенного периода «GERMAN ANGST» функционирует как маркер коллективной травмы народа Германии, который выступает субъектом страха. Концептуальное содержание передается через метафорический образ тени прошлого, лежащей грузом на каждом немце. В проанализированных текстах корпуса DWDS регулярно встречаются конструкции, вербализующие страх через отсылку к недавно пережитым событиям, например: *Der Schatten des Kriegs lastet auf uns. (Тень войны тяготеет над нами)*. Эмоциональное состояние населения передается путем описания конкретных внутри- и внешнеполитических угроз, которые несут коммунизм, война, инфляция (*Angst vor dem Kommunismus, Angst vor einem neuen Krieg, Angst vor der Inflation* [9]). На данном этапе страх представлен преимущественно диффузным, связанным с травматическим опытом, и еще не концептуализируется как устойчивая национальная черта. Несмотря на то, что в данном случае на первый план выходят конкретные исторические потрясения, обнаруживается сходство расплывчатой и трудно вербализуемой природы страха с переживанием экзистенциальной неопределенности лютеранской эпохи. Таким образом, мы наблюдаем связь с событиями, произошедшими значительно ранее XX века.

К концу XX века концепт становится объектом национальной саморефлексии и критики. Согласно данным DWDS, первые регулярные употребления данного фразеологизма в значении, выходящем за рамки буквального перевода, фиксируются именно в этот период. Единица *German Angst* официально интегрирована в лексикон политической прессы. Ее ключевая функция — описание характерной для немецкого общества осторожности в вопросах, касающихся безопасности. Кроме того, он выполняет критическую функцию и метафорически используется для обозначения чрезмерной, «парализующей» осторожности, препятствующей развитию страны (*lähmende German Angst*). Контексты вербализации смещаются с военно-политических на экологические и технологические (*Atomangst, Angst vor Gentechnik, Globalisierungsangst* [9]). «GERMAN ANGST» закрепляется как маркер, позволяющий немецкоязычному социуму переосмыслить свою идентичность в стремительно меняющемся мире. В отличие от предыдущего периода, страх приобретает институционализированный характер, становясь предметом публичной рефлексии, исходящей от политической элиты, которая дистанцируется от рассмотрения «парализующего страха» как черты национального характера. Субъектом данной критики по-прежнему является немецкое общество в связи с его чрезмерной обеспокоенностью, которая вызывает критическое отношение публицистов. Таким образом, страх перестает быть лишь внутренним переживанием и становится объектом внешней оценки. На данном этапе экзистенциальная природа страха, восходящая к традиции лютеранства, отступает на второй план, так как страх становится объектом общественного обсуждения и рационального осмысления.

За последние пять лет «GERMAN ANGST» трансформируется в более фрагментированный конструкт. Концепт вобрал в себя множество конкретных «страхов», вербализуемых при помощи композитов (*Pandemieangst, Kriegsschrecken, Riesen-Schreck, Long-Covid-Panik* [9]). Метафорические модели отражают перманентность угрозы: страх представляется в медиа как прогрессирующая болезнь (*Angst grassiert*) и катастрофическая реальность (*Angstlandschaft*), в которой вынуждено пребывать общество. Также страх концептуализируется через фразеологические обороты (*vor Angst gepeinigt sein, Furcht einjagen, in Panik ausbrechen*), выступающих в качестве маркеров эмоциональных реакций. В отличие от предшествующих этапов, в современном медийном дискурсе страх утрачивает черты единого экзистенциального переживания и предстает как множественный, ситуативно обусловленный, субъектом которого является уже не общество в целом, а индивид, сталкивающийся с конкретными угрозами, что находит отражение в разнообразии композитных номинаций и метафорических моделей. Несмотря на фрагментарный характер, экзистенциальный компонент страха не утрачивается; наблюдается укорененное в лютеранской традиции продолжительное состояние тревоги, в то время как определенный вид угрозы выступает лишь дополнительным триггером этого состояния, при устранении которого общее чувство беспокойства сохраняется.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил уточнить соотношение базового эмоционального концепта «ANGST» и производного лингвокультурного конструкта «GERMAN ANGST». Первый концепт предоставляет семантический и концептуальный материал, постоянное лексическое поле, из которого черпаются средства для вербализации концепта «GERMAN ANGST», который предстает как исторически переменный культурный сценарий, который отбирает из этого поля определенные элементы (например, в одну эпоху — *Furcht* и метафоры призрака, в другую — *Panik* и медицинские метафоры) и организует их в устойчивые паттерны, объясняющие коллективные переживания немцев.

Динамический характер концепта GERMAN ANGST, выявленный в ходе исследования, проявляется в смене трех последовательных моделей интерпретации. В послевоенный период (1950–1960 гг.) страх функционирует как диффузное, травматическое переживание, вербализуемое преимущественно через метафоры груза прошлого и перечисление конкретных угроз. На этапе 1985–2000 гг. происходит институционализация концепта: фразеологизм *German Angst* закрепляется в языке, становится объектом национальной саморефлексии и критики, а объекты страха смещаются в сторону экологических и технологических рисков. В современный период (2020–2024 гг.) концепт фрагментируется, утрачивая черты единого экзистенциального переживания, и предстает как множество ситуативно обусловленных страхов, вербализуемых через композитные номинации и лексико-стилистические средства языка.

Таким образом, динамический характер концепта «GERMAN ANGST» проявляется не в изменении самой эмоции страха, а в смене доминирующих моделей ее культурной интерпретации и дискурсивного оформления. Предложенная в работе динамическая модель может быть применена к анализу других лингвокультурных концептов, формирующихся на пересечении универсальных эмоций и конкретных историко-культурных контекстов.

Перспективным направлением дальнейших исследований видится сопоставительный анализ концепта GERMAN ANGST с аналогичными культурными конструктами в других национальных лингвокультурах (например, русскоязычным концептом «страх/боязнь» и англоязычным концептом "fear"), что позволит выявить как универсальные механизмы концептуализации страха, так и национально-специфические особенности, а также проверить, насколько данная модель воспроизводима при анализе другого языкового материала. Прослеженная эволюция субъекта переживания — от коллективного «народа» к индивиду — подтверждает эффективность данной модели и уточняет ее. Кроме того, обращение к лютеранской традиции позволяет увидеть культурную предпосылку и проследить сохранение общей интерпретации страха как сквозного мотива нескольких временных периодов, сохраняющегося даже при смене дискурсивных форм.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Анищенко А.В. Репрезентация эмоции ужаса в немецкой и русской лингвокультурах / А.В. Анищенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 2 (831). — С. 21–29.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 272 с.
3. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования : монография / С.Г. Воркачев. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 400 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2004. — 477 с.
5. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография / Н.А. Красавский. — Волгоград : Перемена, 2001. — 495 с.
6. Рахманов И.В. Немецко-русский синонимический словарь: около 2680 рядов / И.В. Рахманов, Н.М. Минина, Д.Г. Мальцева [и др.] — Москва : Русский язык, 1983. — 704 с.
7. Чеснокова Л.В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой культуре / Л.В. Чеснокова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 4–2 (18). — С. 206–210.
8. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. — 2009. — № 9. — С. 29–43.
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. — Berlin : Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. — URL: <https://www.dwds.de> (datum der behandlung: 20.03.2026).
10. Duden. — Berlin : Dudenverlag, Bibliographisches Institut GmbH. — URL: <https://www.duden.de/> (datum der behandlung: 22.03.2026).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Anishchenko A.V. Repräsentatsiya emotsii uzhasa v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh [Representation of the emotion of horror in German and Russian linguocultures] / A.V. Anishchenko // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. — 2020. — № 2 (831). — P. 21–29. [in Russian]
2. Wierzbicka A. Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki [Comparing cultures through lexicons and pragmatics] / A. Wierzbicka; transl. from English by A.D. Shmelev. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2001. — 272 p. [in Russian]
3. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnyy kontsept: tipologiya i oblasti bytovaniya [Linguocultural concept: typology and realms of existence] : monograph / S.G. Vorkachev. — Volgograd : Paradigma, 2007. — 400 p. [in Russian]
4. Karasik V.I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The language circle: personality, concepts, discourse] / V.I. Karasik. — Volgograd : Peremena, 2004. — 477 p. [in Russian]
5. Krasavsky N.A. Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh [Emotional concepts in German and Russian linguocultures] : monograph / N.A. Krasavsky. — Volgograd : Peremena, 2001. — 495 p. [in Russian]
6. Rakhmanov I.V. Nemetsko-russkiy sinonimicheskiy slovar': okolo 2680 ryadov [German-Russian synonymous dictionary: about 2680 synonym sets] / I.V. Rakhmanov, N.M. Minina, D.G. Maltseva [et al.] — Moscow : Russian Language, 1983. — 704 p. [in Russian]
7. Chesnokova L.V. Kontsept metafizicheskogo strakha (Angst) v nemetskoj kul'ture [The concept of metaphysical fear (Angst) in German culture] / L.V. Chesnokova // Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Theory and Practice Issues]. — 2012. — № 4–2 (18). — P. 206–210. [in Russian]

8. Shakhovsky V.I. Emotsii kak ob"yekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of research in linguistics] / V.I. Shakhovsky // Voprosy psikholingvistiki [Issues of Psycholinguistics]. — 2009. — № 9. — P. 29–43. [in Russian]
9. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Digital Dictionary of the German Language]. — Berlin : Berlin-Brandenburg Academy of Sciences and Humanities. — URL: <https://www.dwds.de> (accessed: 20.03.2026). [in German]
10. Duden. — Berlin : Duden Publishing House, Library Institute Ltd. — URL: <https://www.duden.de/> (accessed: 22.03.2026). [in German]